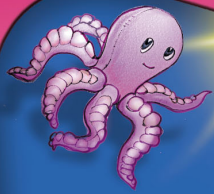
СМЕШНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

Елена Логунова

Семь футов под килькой

Елена Ивановна Логунова

Семь футов под килькой

Серия «Люся Суворова и ее верный адъютант Петрик»
Серия «Смешные детективы»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74783246
ISBN 978-5-04-257977-6

Аннотация

Люся Суворова страдает от ревности – ее возлюбленный укатил в командировку в компании симпатичной переводчицы! В этой ситуации трудно понять, кстати или некстати окажется феерическая находка на дачной свалке – обнаженный мужчина, надежно упакованный… в старый рояль! И на работе сплошные проблемы: в женском клубе «Дорис», где Люся трудится пиарщицей, происходит ЧП – после очередного заседания одна из участниц, Ольга Афанасьева, исчезает, а позже ее находят утонувшей в пруду. Полиция считает гибель Ольги самоубийством, но Люся в этом сомневается. Она решает сама разобраться в этом деле, чтобы спасти репутацию родного клуба…

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. 33

Елена Логунова
Семь футов под килькой

– Питт!

Нет ответа.

– Брэд Питт!

Нет ответа. Не считать же за него энергичный скрежет пилочки для ногтей, доносящийся из-за забора.

– Уильям Брэдли Жук Шарик Джульбарс Питт!!!

За забором тяжко вздохнули. Деловитая пилочка смолкла, мучительно скрипнул перегруженный шезлонг, и послышался манерный голосок соседки Галочки:

– Я ва-аще не понимаю, откуда у этих голодранцев собака с та-аким королевским именем?

– Ва-аще дура, – хихикнул мой братец Эмма, он же – для своих – Эммануил, хотя по паспорту просто Виктор. – Назови мне хоть одного короля по имени Джульбарс!

Уильям Брэдли Жук Шарик Джульбарс Питт – это наш четвероногий друг, рыжий собакен неизвестного происхождения. Первое и второе имя, а также фамилия у него от голливудского актера, на которого симпатяга пес удивительно похож, а три промежуточных клички – от разных хозяев.

Жуком зверюгу называет мой любимый Караваев, причем в определенном смысле и с неизменной интонацией: «Где этот жук?!» Шариком собаку дразнит братец, прозрачно на-

мекая, что наш питомец весьма упитан, ибо слишком много ест – у Эммы это вызывает озабоченность и неудовольствие, потому как он и сам не страдает отсутствием аппетита, а провианта слишком много не бывает. Джульбарсом же пса зовет его настоящий хозяин – дед Антон, живущий на краю поселка, откуда точно в соответствии с расписанием завтраков-обедов-ужинов и прибегает к нам Уильям Брэдли Жук Шарик Джульбарс Питт.

А в честь красавца актера пса назвала я сама. Мне очень нравится Брэд Питт. Тот, который настоящий, разумеется. Нашего у меня руки так и тянутся отходить по мохнатой попе хворостиной. Не собака, а наказание какое-то!

Если бы у некоронованного собачьего короля Уильяма Брэдли Жука Шарика Джульбарса Питта имелся официальный девиз, он звучал бы так: «Ни дня без пакости!» Сегодня, например, их четвероногое величество изволили стырить оставленный на крыльце молоток.

– Вот скажи мне, зачем собаке молоток? – вслух задумался Эмма.

– Я кто тебе, Алиса из Гугла? – рассердилась я. – Ты не частил бы с запросами. Скажи мне то, скаже мне это! Могу сказать, зачем этот молоток мне!

– Но-но! Пожалуй, лучше не говори, а то мне уже страшно! – Братец втянул голову в плечи и отодвинулся от меня подальше.

Имеет основания, если честно. Ужасно звучит, но я била

его по голове. Не молотком, конечно, – не случилось у меня в тот момент под рукой молотка, – а просто стеклянной банкой в авоське. Но эффект был воистину сокрушительный[1]!

– Я обещала Петрику испечь его любимый торт. А для «Баядерки», ты сам знаешь, требуется много орехов. И чтобы наколоть их, мне нужен молоток! – объясняя, я опять разозлилась.

– Люся, ты что? – Юный самоубийца покрутил пальцем у виска.

– Р-р-р! – сказала я ему почти задушевно.

– Р-гау? – услужливо подсказал продолжение Брэд Питт, явившийся нам из малинника.

Я посмотрела на простодушную собачью морду и вздохнула.

Нечуткий Эмма не унялся:

– Смотри на вещи проще! Чтобы наколоть орехов, нужны орехи! А вместо молотка прекрасно можно использовать… ай! Да, например, этот самый обломок кирпича! Или вот этот. Или тот… Не бросай их все в меня, мы тебе еще пригодимся!

– Кто – мы? – уточнила я, отряхивая руки от рыжей пыли.

– Я и кирпич, разумеется! Мы тебе сейчас целую кучу орехов наколем.

Вот за что я люблю своего сводного брата – он добродушен, незлобив и всегда готов мне услужить.

---

[1] Читайте об этом в романе Елены Логуновой «Брачный вопрос ребром».

Братец сбегал на грядки, подобрал просвистевший мимо него обломок и вернулся на крылечко с ним и с доброй улыбкой.

– Ну, показывай фронт работ.

Я молча вынесла полведра орехов и снова скрылась в домике. Мне нужно было хоть немного побыть в полной изоляции. Превентивно. Чтобы не прибить кого-нибудь молотком или кирпичом, в итоге загремев в полную изоляцию лет на двадцать.

Вообще-то вывел меня из себя вовсе не Питт, а Караваев, которого сейчас даже нельзя было за это как-нибудь покарать. Мишаня улетел в Стамбул, а туда мне кирпич при всем желании не добросить.

Ну, ничего. Как говорится, он улетел, но обещал вернуться…

– Отложи один кирпичик на потом! – покричала я Эмме.

Бодрый стук на крыльце прекратился. Скрипнули половицы, в дверной проем на разном уровне сунулись две озабоченные физиономии – человеческая и собачья.

– Люся, я тебя боюся, – сказал братец, и Питт согласно подгавкнул. – Скажи, в чем дело? Я же вижу, что тебя заботят вовсе не хлопоты с подготовкой к юбилею Петрика, явно есть что-то еще. Что-то личное?

– Наличное! – рявкнула я, не собираясь делиться с младшим братом своими взрослыми проблемами.

Не признаваться же ему, что я отчаянно ревную Карава-

ева к новой сотруднице, с которой он и отправился на переговоры в Стамбул. Переводчица ему там, видите ли, понадобится! Мог бы взять с собой Тамару Павловну, она прекрасный переводчик, очень опытный, у нее трудовой стаж почти сорок лет.

– Если ты это из-за Михаландреича… – братец проявил проницательность и неосмотрительность одновременно.

– Эмма, не заставляй меня швыряться посудой, у нас ее и так не хватает!

– Понял, ухожу к кирпичам и орехам…

Брат ретировался, Питт еще немного покрутился у моих ног, понял, что сладкого кусочка не допросится, а горькие слезы показались ему невкусными, поэтому он тоже удалился.

Я осталась одна. Как хотела – в тишине и покое. Ненадолго. Заливистая телефонная трель заглушила бодрый кирпично-ореховый перестук.

– Что? – рявкнула я в трубку, даже не посмотрев, кто звонит.

– Все! – объявила Дора. – Мне надоело дожидаться, пока у тебя проснется совесть, она, я вижу, в коме. Суворова, ты вообще помнишь, что у нас завтра?

– Пятница.

– И-и-и?

– Конец рабочей недели.

– Ну и-и-и?

– И день зарплаты?

– А вот фигушки тебе, Суворова! Зарплату хочешь? А где новый текст на сайт? Анонс в соцсетях? Моя приветственная речь членам клуба? – Начальница перечисляла то, что я сегодня не сделала, и все больше ярилась. – Где это все? И ты сама, кстати, где?

– В моральном упадке и бездне отчаяния, – пробурчала я.

– Да? А что так? – Дора сменила тон.

У нас с ней вообще-то дружеские отношения.

С Дорой Дорониной я училась на журфаке. Тогда мы особо не приятельствовали, потому что нигде, кроме как в аудиториях, не пересекались. Я жила в общаге, а после занятий подрабатывала где придется, Дора же вела роскошную жизнь в трехкомнатной квартире родителей, которые почти безвылазно работали за границей. У Дорониной было вдоволь денег, свободного времени и друзей, у меня – ровно столько же забот и проблем. Друг другу мы были совершенно неинтересны.

Все изменилось год назад, когда медиахолдинг, где я работала, развалился в пыль. Владелец бизнеса, скорбно всхлипывая, объявил, что настали совсем плохие времена для бумажной прессы, после чего, продав все активы, уехал горевать на ПМЖ в Испанию. Сотрудников, разумеется, уволили, причем с долгами по зарплате. Все тут же кинулись искать новые места, конкуренция за вакансии в городских СМИ стала запредельной, и я нашла работу не совсем по

профилю, но где-то рядом с ним.

Частной лавочке с претенциозным названием «Клуб ДОРИС: ДОставка Радости И Счастья» требовался эсэмэмщик, копирайтер и пиарщик в одном лице. Владельцем бизнеса оказалась та самая Дора Доронина. На собеседовании мы закономерно встретились, узнали друг друга и решили, что это судьба.

Вернее, это Дора так решила. Меня-то, если честно, подкупила обещанная внушительная зарплата. Я, правда, не думала, что за нее придется пахать днем и ночью, изо всех сил стараясь не скривить борозду и не выпасть из правового поля. Бизнес-леди Доронина виртуозно балансирует на грани закона, и я вынуждена заниматься аналогичной акробатикой вместе с ней.

«Ох, Федор Михалыч, – говорю я иногда начальнице, потому что по паспорту она Феодора Михайловна, а это забавно: имя совсем как у Достоевского, – будешь ты однажды в местах не столь отдаленных писать свои собственные мемуары „Преступление и наказание“!» – «Молчать, Генералюссимус! – огрызается Доронина, потому что меня зовут Люся Суворова и я мастер победоносных кампаний. – Если что, писать там будешь ты, а я – надиктовывать!»

Конечно, ничего по-настоящему криминального мы не делаем, но временами я чувствую себя без пяти минут аферисткой и мошенницей.

Пять минут, пять минут – это много или мало?

Логика утверждает, что рано или поздно мы с Дорой допрыгаемся. Здравый смысл подсказывает, что нет резона думать о морали и этике прямо сейчас, когда мне очень нужны деньги. А коматозная совесть и вовсе сладко похрапывает.

И я продолжаю работать у Дорониной. Мы с ней даже подружились и временами ведем задушевные разговоры.

– Что, неужели Караваев тебя бросил? – предположила Дора, заинтересованно сопя в телефонную трубку.

– Почему сразу бросил? Просто улетел подписывать договор с партнерами в Турции.

– А почему тебя с собой не взял?

– На следующей неделе я должна организовать юбилей Петрика! А завтра – заседание твоего клуба!

– Нашего клуба, – поправила Дора строго, опять меняя амплуа и превращаясь из доброй подружки в строгую начальницу. – Короче, Суворова, чтобы все свои недоделки сегодня закончила и завтра как штык была на работе без опоздания! И не с зареванной мордой, а в полном ажуре! Я Петрику позвоню, чтобы он проследил. – И она отключилась.

Я сделала вдох-выдох, покосилась в старое бабулино трюмо – там и впрямь обнаружилась какая-то зареванная морда, а не то, что хотелось бы.

Так, все! Надо взять себя в руки.

Я еще подышала, стараясь успокоиться, потом протерла лицо тоником и мелкими щипками выправила загнутые вниз уголки губ, вылепив себе подобие улыбки. Она получилась

странноватой и малость пугающей, но все же была определенно лучше, чем страдальческий оскал.

Решив, что в таком виде и настроении меня уже можно выпускать к добрым людям и собакам, я вышла на крыльцо и поинтересовалась:

– И что у нас с орехами?

– Лучше бы ты спросила, что у нас с пальцами, – пожаловался Эмма, баюкая правой рукой левую.

«Вот! – укоризненно сказала мне совесть, неожиданно пробудившись. – Пока ты там растравляешь свои воображаемые душевные раны, ребенок тут получает реальные физические!»

– Покажи. – Я потянулась к «ребенку» (двадцать один год, рост сто восемьдесят пять сэмэ) и осмотрела его микротравмы. – Пара ссадин, один ушиб – ерунда, до свадьбы заживет.

– До чьей свадьбы, твоей с Михаландреичем? – встрепенулся Эмма.

«Устами младенца!» – нервно хохотнул мой внутренний голос.

«Ребенок» ткнул не в бровь, а в глаз. Точнее, в мою кровоточащую душевную рану.

Караваев уже дважды звал меня замуж, но я не спешила соглашаться – хотела в полной мере насладиться необременительными добрачными отношениями. И что? Домариновала мужика до того, что он улетел к теплому морю с другой.

Но Эмме я этого говорить не стала, только нахмурилась:

– Тебе, брат, не о свадьбах надо думать, а о завтрашнем представлении.

Братец учится в Академии культуры и подрабатывает приглашенным актером на разных мероприятиях. Разброс ролей у него широчайший – от Винни-Пуха в костюме ростовой куклы до Гамлета в рубашке с кружевами.

– На завтра у меня все готово, – заверил меня юный талант и потянулся за веником, чтобы смести с крыльца ореховую скорлупу. – Нет только денег на такси, но ты же мне дашь?

Я оставила ему деньги и ценные руководящие указания, взяла орехи и отправилась к себе. Вернее, в нашу с Петриком и Мариной съемную квартиру.

=♦=♦=♦=

На даче, которую с подачи моей покойной прабабушки Зины все называют милым словом «именьице», я не живу, а только наведываюсь туда иногда. В последнее время – даже реже, чем Эмма, которому я великодушно отдала свой ключ. У моего сводного брата нет собственной жилплощади, а от матушки и отчима очень хочется держаться подальше.

Вечерело, и по-хорошему мне надо было вызвать такси или позвонить шоферу Караваева Косте, которого шеф уже приучил к тому, что он как бы наш общий водитель. Но в свете того, что я подозревала Мишаню в подлой измене, беспокоить Костю решительно не хотелось: от подлого измен-

щика мне ничего не надо!

А такси в именьице я вызывать не люблю. Может, это и не заметно, но у меня тонкая душевная организация, и она страдает всякий раз, когда таксисты самыми нехорошими словами ругают нашу проселочную дорогу.

Да мне идти-то по ней всего с полкилометра, потом будет мост через реку, а за ним уже – город со всей его инфраструктурой. Сяду там на трамвайчик, еще и денежки сэкономлю…

Размышляя таким образом и посматривая по сторонам, я бодро топала по глубокой колее, продавленной в глинистой почве автомобилями, пока мой взгляд не зацепился за нечто неожиданное.

Опля! Алое закатное солнышко слепящим пламенем отразилось в полированной поверхности. Ну-ка, ну-ка, что тут у нас такое? Я выбралась из колеи и, путаясь ногами в цепких вьюнках, двинулась на манящий блеск.

Неподалеку от нашего дачного товарищества есть небольшой пустырь, превращенный несознательными гражданами в стихийную свалку. Выбрасывают туда преимущественно строительный мусор, поломанную мебель, старый домашний скарб и прочую рухлядь. Иногда на эту свалку истории незаслуженно отправляются вполне годные вещи. К примеру, именно отсюда в нашу с Петриком и Мариной квартиру перекочевала изящная деревянная консоль – трехногий гримировальный столик, мечта красавицы-кокетки.

На сей раз кто-то, не мелочась, сплавил на помойку целый рояль!

Да, облезлый, поцарапанный, колченогий, в пятнах от стаканов, но – рояль! Самый настоящий, не бутафорский!

Изумляясь, как затейливо у кого-то широта души сочетается со скудоумием, я подобралась поближе к инструменту и подняла крышку над клавиатурой.

Время и идиоты не пощадили благородный инструмент, и его улыбка, когда-то наверняка белозубая, потускнела и сделалась щербатой. Я сокрушенно покачала головой, но все же пробежалась пальцами по клавишам. Прабабушка воспитывала меня как благородную барышню – заставляла учить французский и ходить в музыкальную школу…

Увы, сыграть что-нибудь на этом рояле не представлялось возможным. Даже мелодию «Чижика-Пыжика» исполнить не получалось, потому что клавиши были безголосые. Они послушно проминались под пальцами, а звук не шел, только слабый глухой стук… Или шорох?

Я вспомнила, как в детстве экспериментировала, подсовывая между струнами и молоточками развернутые газеты: это превращало обыкновенное пианино в старинный клавесин. Какая, интересно, начинка в этом инструменте?

Но заглянуть в рояльное нутро и посмотреть, что там, у меня не вышло. Вандалы-идиоты зачем-то прибили крышку инструмента гвоздями!

– Ах так? – Я почувствовала себя задетой. – Это вызов?

О'кей, Люся Суворова его принимает!

Я поискала тут же, на свалке, но ничего подходящего для того, чтобы вскрыть заколоченный рояль, не нашла. Ну и ничего страшного, я недалеко ушла от именьица, а там у меня, как в Греции, все есть!

=♦=♦=♦=

– Мне срочно нужен ломик! – Я ворвалась на свой участок, как фурия.

– То молоток, то ломик… Ты бы определилась, – меланхолично отозвался братец, покачиваясь в гамаке.

Я молча пролетела мимо него в сарай и загремела там инструментами, подбирая наиболее подходящий. Вот эта железная палка с раздвоенной загнутой лапкой, думаю, как раз подойдет!

– Это же не ломик, а гвоздодер, – просветил меня братец, когда я пробегала мимо него в обратном направлении. – Эй, а зачем тебе…

Но я уже снова пылила по проселку.

Я мигом добежала до свалки, чуть ли не с разбегу вонзила под крышку бесхозного музыкального инструмента свой немузыкальный, поднажала, закряхтела. Рояль затрещал.

За этими звуками я даже не сразу услышала сдвоенное заинтересованное пыхтение, но потом по моей голой ноге щеткой прошелся шерстистый бок, а над ухом послышался зна-

комый голос:

– Это что? Настоящий рояль в кустах?!

– Тяни крышку вверх, – скомандовала я Эмме.

– А что там? – Братец послушно потянул, а я еще поднажала.

– Вот откроем – и узнаем!

Кра-ак! Крышка чуть приподнялась, и здоровенные гвозди стальными зубами зависли над образовавшейся щелью.

– Там точно что-то есть, – почему-то шепотом убежденно сказал Эмма, заглянув в темные недра рояля.

– Конечно. Там много чего есть – струны, молоточки… Тяни еще, давай откроем полностью.

Палка, призванная удерживать рояльную крышку в поднятом состоянии, отсутствовала, и я пристроила вместо нее свой гвоздодер.

– Молоточки?! – первым посмотрев в значительно расширившуюся щель, возмутился братец. – Да, как же! Блин, зачем мы сюда полезли?!

В рояле в позе зародыша лежал голый человек.

– Он настоящий? – Братец снова перешел на шепот.

– Кто?

– Труп!

– Все тут настоящее: и рояль, и кусты, и труп, успокойся, – пробормотала я автоматически, почти не соображая, что именно говорю. – Хотя, возможно, труп все-таки не настоящий…

– Игрушечный?!

– Витя, ты меня пугаешь, что за детство у тебя было, какой еще игрушечный труп… Я к тому, что он, может, живой еще! – Я потянулась и осторожно пощупала голую лодыжку.

– Пульс надо щупать на запястье или на шее, – тут же раскритиковал мои действия Эмма.

– Я туда не дотянусь… Слушай, а он холодный!

– Значит, настоящий. – Эмма вздохнул.

Я машинально пощекотала голую розовую пятку, и нога слабо дернулась!

– Не настоящий! – обрадовалась я. – Подержи крышку… – Я убрала свою импровизированную распорку в виде гвоздодера.

– Не добивай его, Люся, не надо! – слезно взмолился Эмма.

– Ты совсем уже? – очень трудно нетравматично покрутить гвоздодером у виска, но у меня получилось. Я талантливая! – Говорю, крышку держи! Будем доставать его оттуда…

С большим трудом и немалым количеством ругательств мы кое-как добыли из недр рояля ненастоящий труп. Он нам никак не помогал, но хотя бы не сопротивлялся. Только слабо постанывал, пока мы его тянули, как в сказке: Люся за репку, Эмма за Люсю, собака за Эмму… Жаль, кошки и мышки не было, мы бы быстрее справились.

Брякнувшись на усыпанную мусором траву, выдернутая репка болезненно кхекнула, но сразу оживать не стала.

– Это что вообще такое? – спросил Эмма с неоправданной, на мой взгляд, претензией.

– Понятия не имею, – сердито ответила я.

А мой внутренний голос торжественно возвестил:

«Это дежавю!»

Да, уже было со мной такое: стояла я в полнейшем безрадостном недоумении над распростертым на травке мужиком, то ли живым, то ли вовсе нет, и – главное! – совершенно незнакомым![2]

– Говорят же, что всякая история повторяется дважды: сначала как трагедия, потом как фарс. Или наоборот, не помню точно, – проявил эрудицию братец, угадав, о чем я думаю.

Ну еще бы: он и при той, первой, сцене с телом на траве присутствовал! Как раз в виде тела.

– Так у нас сейчас трагедия или фарс? – задумалась я вслух.

– А это от него зависит. – Эмма осторожно подпихнул мужика носком ботинка. – С виду он вроде целый, но вот очнется или нет…

– Да куда он денется! – Я присела и энергично похлопала голыша по щекам.

Он застонал. Слабо, но отчетливо недовольно.

– Так, Эмма! Дуй в именьице и притащи холодной воды! И что-нибудь из одежды, а то у меня руки не поднимаются реанимировать голого мужика, как-то это очень неприлич-

[2] Читайте об этом в романе Елены Логуновой «Брачный вопрос ребром».

но…

– Ну да, ну да, ты же у нас без пяти минут замужем. – Эмма умчался, напоследок умудрившись снова больно царапнуть мою свежую душевную рану.

Эх, где сейчас мой любимый Мишаня? И с кем? Может, совсем как я – наедине с чужим голым телом? В лиловых отсветах заката, в душистой весенней ночи…

Мелькнула несвоевременная мысль о том, что надо бы Мишане позвонить, но я прогнала ее. Караваев непременно спросит меня, где я, с кем и чем занимаюсь, а что я ему отвечу? Нагло врать любимому не хочется, а честно отвечать: «Я на свалке оживляю незнакомого голого мужика» – определенно не стоит. У Караваева хорошее чувство юмора, но он ревнив. То есть шутку оценит, но конкурента прибьет. А может, и меня вместе с ним. Так и придушит, хохоча…

С дружным топотом примчались Эмма и сопровождавший его в забеге Брэд Питт.

– Вот! И вот. – Братец сунул мне в руки полуторалитровую пластиковую бутыль и бросил прямо на голыша ворох тряпок.

Очень удачно – самое неприличное прикрыл.

Я благодарно кивнула, открутила крышечку с бутылки, набрала полный рот холодной воды и с громким «П-ф-ф-ф!» брызнула ею в лицо незнакомцу – энергично, как поливалка на парковой клумбе.

Питт, на которого тоже попало – а нечего вечно лезть не в

свое собачье дело! – негодующе взвизгнул и отскочил в сторону.

– Твою мать, – не открывая глаз, промямлил незнакомец.

– Он заговорил! Вот что живая вода делает! Давай еще раз! – обрадовался Эмма.

Я снова набрала в рот воды так, что щеки раздулись, как у хомяка, и организовала голышу повторный душ.

– Да какого хрена… – Мокрая физиономия скривилась, ресницы с красиво повисшими на них каплями задрожали.

– Просыпаемся, просыпаемся! – Я похлопала голыша по мокрым щекам. – Доброе утро, страна!

– Вечер вообще-то, – поправил меня братец.

– Какая? – разлепив один глаз, спросил голыш.

– Какая страна? Россия! – с готовностью ответил ему услужливый Эмма.

– Какая зараза меня намочила? – Неблагодарный незнакомец открыл второй глаз и посмотрел прямо на ту заразу. – Ты кто?

– Во-первых, не ты, а вы, мы с вами еще незнакомы, – обиделась я. – Во-вторых, у меня к вам тот же самый вопрос: вы кто?

– Смотря для кого…

Голыш заворочался, сел, смахнул с себя тряпки, увидел, что под ними, ойкнул и снова прикрылся. Я с удовольствием отметила, что его щеки порозовели.

Надеюсь, не только в результате общего улучшения само-

чувствия, но и от стыда.

– Для тех, кто вас из гроба вытащил! – с пафосом произнес Эмма.

– Откуда?! А… – Спасенный опять побледнел и сомлел.

Я укоризненно посмотрела на брата.

– А что? Не так, что ли? Он в заколоченном рояле, как в гробу, лежал!

– Суровая правда, высказанная с шокирующей прямотой, – пробормотала я, осторожно, чтобы не угодить на мокрое, присаживаясь рядом с обморочным голышом. – Ладно, давай подумаем, что теперь делать…

– В полицию звонить. Ситуация такая подозрительная…

Голыш несогласно застонал.

– Сдается мне, он не хочет в полицию, – сказала я.

– А кто бы захотел? На ночь глядя, без документов, голый…

– Кстати, да, давай-ка его оденем!

Ворочая голыша, как большого пупса, мы облачили его в футболку и спортивные штаны с крутого плеча и крепких бедер Караваева.

– Ну вот, так он уже похож на человека, – полюбовался делом наших рук Эмма.

– На босяка, – уточнила я.

Принести какую-нибудь обувку братец, конечно, не додумался.

– На полубосяка, – заспорил со мной Эмма. – У него толь-

ко одна нога голая, на второй есть носок!

– Хороший носок, – оценила я. – Модный. Жаль, что один.

– Я посмотрю в рояле, может, там и второй… – Братец чуть ли не по пояс залез в инструмент и через минуту глухо сообщил оттуда: – Эх, нет тут ничего!

– А ты думал, он разделся прямо в рояле?

– Почему нет? Может, ему там жарко стало? Или он должен был выскочить из него, как стриптизерша из торта…

Я подумала, что надо бы разобраться, на каких мероприятиях выступает мой юный брат-артист, но сказала другое:

– Как бы он выскочил из заколоченного рояля? Вот, кстати… – тут мне в голову пришла важная мысль. – Давай-ка сделаем все, как было. Найди какой-нибудь кирпич, забьем гвозди обратно.

Пока мы, грохоча по гвоздям булыжниками, приводили рояль в прежний вид, незнакомец отчетливо порывался восстать, но его слабые попытки перейти из горизонтального положения в вертикальное не увенчались успехом.

– Может, ему нужно в больницу? – забив последний гвоздь в крышку гро… пардон, рояля, задумался Эмма.

– Ни в какую больницу его без документов не примут. По-моему, ему просто нужно отлежаться…

– Но не в именьице! – живо возразил братец.

Даже протестующе выставил руки.

– Почему не в именьице? У тебя и раскладушка на такой случай есть, – напомнила я.

– Потому что… я передумал ночевать в именьице, у меня завтра представление, мне будет удобнее ехать на работу из города!

Я вздохнула:

– Тогда звоню Косте, других вариантов нет.

– А такси?

Я посмотрела на обморочного мужика и оглянулась на заколоченный инструмент:

– Нельзя такси. Если те, кто засунул парня в гро… яль, будут искать его, такси наведет их на след. Думаешь, много такси приезжает по вызову в эту глушь?

Эмма только поежился.

А я достала из сумки мобильный и позвонила Косте.

Блестящий чистенький «БМВ» осторожно подполз к нам на брюхе по глинистой колее минут через двадцать.

Хороший у Караваева персонал, вышколенный! Водитель Костя прибыл по моему вызову без вопросов, правда, вид имел хмурый и недовольный, но я не обратила на это внимания – он всегда такой. Ну нет у человека чувства юмора и авантюрной жилки, обидела его природа – мать наша…

– Я вперед, вы назад! – Эмма, завидев красивую машинку, подскочил, торопясь занять лучшее место в салоне.

– Все назад, – возразила я и пояснила шепотом, чтобы не услышал водитель: – А то наш ненастоящий труп на бок завалится, его нужно придерживать с двух сторон.

– А если завалится, то что? Он вон в гро… яле валялся –

и ничего, чем ему в «бэхе» хуже? – не понял братец.

– У Караваева будет много вопросов.

– Тогда ладно, – дискутировать с Караваевым Эмма опасается – Мишаня беспардонно давит авторитетом.

Мы подняли с травки ненастоящий труп, уже похожий на полуживой организм – во всяком случае, ходячий, – и затолкали его в машину. Залезли сами подперли тело с двух сторон своими плечами:

– Трогай, Костя!

– Куда?

– Ко мне, в «Баварию».

«Бавария» – это элитный жилой квартал, построенный по образцу и подобию европейского городка. Очень уютный, чистенький, аккуратненький и тихий.

Караваев смеется, что лично я с этим местом сильно диссонирую по стилю – мне, мол, больше подошло бы жить в цыганском таборе, – но я «Баварию» нежно люблю: это наш с Петриком и Мариной приют спокойствия, трудов и вдохновения. Мы вскладчину снимаем отличную квартиру, в ней три спальни и просторная кухня-гостиная. Места нам хватает, тем более, что Марина дома только ночует, да и то не всегда: в отличие от нас с Петриком, днем она на работе.

Петрик (он арт-фотограф и дизайнер) и Марина (она организатор модных показов) знакомы уже давно, они сдружились на почве общей горячей любви к красоте и стилю. Я в их компанию попала с год назад и, как мне кажется, играю

роль Буратино при Мальвине и Артемоне. Они, неизменно стильные, нарядные и изящные, очень стараются меня отесать, манерно жалуясь друг другу: «Ах, какая же это мука – воспитывать». Я, и правда, трудновоспитуема. По-моему, джинсы, майка и кроссовки – лучшая одежда, а сложный макияж по-настоящему необходим только в пентбольном сражении.

«Бэха» услужливо доставила нас к самому крыльцу, мы выгрузились так же дружно, как загрузились, и повлекли самоходный полутруп в подъезд. На лифте поднялись к двери квартиры, придавили кнопку звонка – искать свои ключи мне было несподручно, потому как сумка оказалась зажата между моим боком и бедром ненастоящего трупа.

– Иду, иду! – пропела внутри Марина и распахнула дверь. – Оу? – Красивые брови моей подруги выгнулись арками «Макдоналдса».

– Привет! – сказала я.

– Здоров! – сказал Эмма.

А ненастоящий труп ничего не сказал и даже глаза не открыл, чтобы посмотреть на Марину. Может, оно и к лучшему: с непривычки это зрелище могло убить наповал.

На Марине было коротенькое шелковое кимоно, сливочно-белый цвет которого красиво оттенял золотистый загар из солярия, на ногах – шлепанцы-гэта, открывающие свежий педикюр. На голове – писк парикмахерской моды: повязка-солоха из шелкового платка. Выпущенные поверх нее

угольные локоны отливали синевой гиацинта.

– Вижу, ты была в салоне, – завистливо отметила я.

– Вижу, ты тоже провела время интересно, – ответила Марина и посторонилась, пропуская наше слитное трио в прихожую.

– У нас гости, булочка? – На шум голосов из своей комнаты вышел Петрик. Его прическая тоже была в идеальном порядке – видимо, в салон они с Мариной вместе ходили. – Привет, бусинка, здоров, братан, – Петрик кивнул мне, Эмме и скептически посмотрел на незнакомца. – Откуда дровишки?

– Со свалки, – сказала я.

– Из рояля, – сказал Эмма.

А гость наш опять ничего не сказал.

– По-моему, вы друг другу противоречите, нет? Где свалка – и где рояли? – Петрик строго посмотрел на меня, на Эмму, задержал взгляд на госте и чутко потянул носом: – Хм, а я ошибся, он не пьян. И почему он в состоянии нестояния?

– И кто же это у вас такой хорошенький? – С интересом спросила Марина.

Мы с Эммой синхронно пожали плечами и чуть не уронили нашего хорошенького.

– Давайте-ка его куда-нибудь положим, – озаботился добрый хозяин Петрик.

Мы транспортировали хорошенького в гостиную и уложили его там на диван, а сами пошли в зону кухни, потому что

Петрик авторитетно заявил:

– Я думаю, нам всем не помешает чашечка крепкого кофе.

– Эмма, сбегай за пиццей, – попросила я, и братец охотно унесся в итальянский ресторанчик, который очень удачно расположен на первом этаже нашего дома.

– Ты удалила ребенка, чтобы он не услышал шокирующего признания? – проницательно предположила Марина.

Она повязала поверх короткого белого кимоно длинный вишневый фартук, переместилась к плите и внимательно наблюдала попеременно за бронзовой туркой и за мной.

– Караваев улетел в Стамбул с Эллой! – не стала запираться я.

Петрик мне лучший друг, а Марина – как старшая сестра.

– С той вульгарной особой с ногами владимирского тяжеловоза и грудью нахохлившегося голубя?!

Вот! Сказано всего несколько слов – а мне сразу же стало легче!

– Ты лучше ее в сто миллионов раз, и Караваев это знает, у него не такой уж плохой вкус, так что не спеши в нем сомневаться.

– Петрик, я тебя обожаю!

– А у тебя *прекрасный* вкус. – Дружище тряхнул кудрями и вовремя снял с огня турку с кофе. – Тебе с молоком или без? Про сахар даже не спрашиваю, на нервах полезно сладенькое, так что к черту сегодня диеты.

– И, кстати, о сладеньком: что за прелестное чучелко ты

притащила к нам в дом? – Спросила Марина, подставляя свою чашку.

Петрик налил нам всем кофе, устроился за столом напротив меня и поморгал густыми длинными ресницами, торопя с ответом на вопрос.

– Почему чучелко? – Я оглянулась на зеркало в простенке: в него мне был частично виден занятый гостем диван в гостиной.

– Ну, Люся! – Марина вздохнула и закатила глаза. – На футболке логотип во всю грудь – это вульгурно!

– И сколько раз говорить, что модный лук не составить без тонкого чувства цвета! К морковному топу – низ тона пыльной лаванды, ты это серьезно? – Петрик округлил глаза. – Нет, я понимаю, пастельный фиалковый – он бы еще как-то сочетался, но тоже не в виде коротких широких штанов, что это вообще такое, я даже не понял – бермуды?

– Это старые застиранные спортивные штаны Караваева. – Я невольно хихикнула.

– А? То есть наше чучелко стройнее и выше ростом, чем твой Мишель? – Марина тоже глянула в гостиную через зеркало.

– Стоп, а почему оно в одежде Караваева? – встревожился Петрик. – Люся, ты пустилась во все тяжкие?!

– Надеюсь, водитель Костя так не подумает. – Я тоже заволновалась. – Блин, он ведь мог узнать караваевские тряпки… Петя, Маня, вы не поверите. Я нашла это чучелко на

дачной свалке. Оно лежало в выброшенном рояле и было голым.

– Совсем голым?!

– Не совсем, – я вспомнила. – В одном носке.

– Где был носок?

– Марина! На ноге, где же еще?!

– Ну, мало ли… Знаешь, как оригинально экипируются стриптизеры…

Тут хлопнула дверь – вернулся Эмма с пиццей, – и мы прервали едва начавшийся разговор о мужском стриптизе. Поели пиццы, выпили кофе, оставив на всякий случай немного того и другого нашему гостю. Потом Эмма поехал к себе, а мы с Петриком и Мариной стали готовиться ко сну.

Чучелко уже крепко дрыхло, размеренно посапывая и не производя впечатления полутрупа. Щеки его порозовели, суровая складка между бровей разгладилась.

– Завтра будет как огурчик, – напророчила Марина и облизнулась – такая любительница свеженького. – Нет, как редисочка – розовенький и крепкий! Иди уже спать, бусинка, у тебя сегодня был трудный день.

=♦=♦=♦=

Разбудила меня громко пискнувшая эсэмэска.

Плохо соображая, где я, кто, когда, почему и зачем, я уронила руку под кровать, нащупала там мобильник, поднесла

его к подслеповатым спросонья очам и посмотрела на экран.

Оказывается, у Доры тоже были вопросы. «Где тексты? Когда уже пришлешь?!» – гневно интересовалась она.

На часах было начало шестого, за окнами едва начинало светать.

– Тексты ей, – проворчала я, но все же села, перетащила ноутбук с прикроватной тумбочки себе на колени и в диком темпе – пальцы чуть не задымились – застучала по клавиатуре.

Минут за двадцать я доделала все, что задолжала со вчерашнего дня, отправила Доре и тут же написала ей сообщение: «Все у тебя в почте». Срочно докладывать об этом было необязательно, но меня тихо радовала мысль о том, что Доронину, как и меня, потревожит эсэмэска. Она же наверняка пульнула мне свое грозное сообщение и завалилась безмятежно спать дальше, а тут ей – на, получай! Симметричный ответ.

Злорадно улыбаясь, я вылезла из кровати, накинула поверх ночнушки халат и побрела в ванную. День мне предстоял непростой, начать его следовало красивой и бодрой, каковой я себя вовсе не чувствовала, после вчерашнего-то…

Ой!

Я уже миновала диван в гостиной, когда вдруг вспомнила, что как раз вчера на нем был устроен на ночлег подозрительный незнакомец.

Ойкнув, я спешно запахнула халат, оглянулась и тихо вы-

ругалась.

Диван был пуст.

Более того – накрыт покрывалом, поверх которого помещалась пирамидка из свернутого одеяла, подушки и разноцветных матерчатых квадратов, в которых я не сразу признала аккуратнейшим образом сложенные изделия одежно-бельевой группы: белую простыню, оранжевую футболку и сиреневые штаны. Вишенкой на торте это сооружение венчал красный клубочек, сделанный из одинокого носка.

Я заглянула в зону кухни, посмотрела в санузле и в прихожей – везде было пусто.

«То есть либо наш вчерашний гость среди ночи ушел по-английски…» – затянул мой внутренний голос.

– Голый?! – усомнилась я.

«Либо он переместился с дивана в гостиной на кровать в спальне Марины, – не сбившись, продолжил мой внутренний логик, – где одежда им обоим как раз не нужна».

Я смущенно кашлянула. С Мариной и Петриком у нас был железный уговор не водить в дом своих мужиков и баб. До сих пор он неукоснительно соблюдался…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.